
*Памяти академика
Дмитрия Сергеевича Лихачева*

(† 30 сентября 1999 г.)

**Первые Лихачевские чтения
Международная научная конференция
«Христианство и древнерусская литература»***

О. В. ТВОРОГОВ

Вступительное слово

Минул год, как ушел от нас Дмитрий Сергеевич Лихачев. С его именем связано очень многое: и знаменательные открытия в изучении литературы и культуры Древней Руси, и судьбы отечественной медиевистики, и судьбы людские — я не ошибусь, если скажу, что в этом зале собрались сегодня те, кто в той или иной степени ощущал огромное научное влияние, человеческое обаяние Дмитрия Сергеевича: здесь его сподвижники, ученики, ученики его учеников, исследователи культуры Древней Руси и просто ее ценители. И каждый может с полным правом сказать, что круг его интересов, призвание, специальность определил, подсказал и направил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Поэтому совершенно закономерно, что мы все собрались на Первые Лихачевские чтения, чтобы почтить память великого ученого.

Открыть наши Чтения мне хотелось бы несколькими словами о вкладе Д. С. Лихачева в изучение литературы Древней Руси.

Даниил Александрович Гранин вспоминал, что на вопрос о главном итоге своей деятельности Д. С. Лихачев ответил: «Возрождение интереса к семи векам древнерусской литературы». И это действительно исчерпывающий ответ, потому что научная деятельность Лихачева — это не абстрактное служение какой-то пусть самой возвышенной идее, а вдохновенное осуществление совершенно конкретной обширной научной программы, цель которой — открыть обществу его полузабытое культурное наследие. Именно поэтому Дмитрий Сергеевич начал свой научный путь несколько необычно — не с частных наблюдений, не с заметок или рецензий, а с книг: «Национальное самосознание Древней Руси», «Культура Руси эпохи образования Русского национального государства» — он словно бы спешил привлечь внимание читателя не к частностям, а ко всему многовековому пути развития русской средневековой литературы, заинтересовать его — а Лихачев, блестящий стилист, умел это делать — показать в крат-

* 29 сентября—3 октября 2000 г. состоялись Первые Лихачевские чтения. Публикуются тексты некоторых прочитанных докладов и статьи, написанные на их основе.

ком очерке, сколько еще таится неоткрытого, непознанного и неизученного. Уже в этих книгах проявились определяющие черты научного метода Лихачева — умение окинуть «панорамным зрением» (это его термин) сложнейшие многовековые процессы и стремление рассматривать литературу как неотъемлемую часть древнерусской культуры. В связи с этим отмечу, что иллюстрации, которые, как правило, сопровождают книги Лихачева, это отнюдь не декоративный элемент, который должен всего лишь заинтересовать читателя, это материал для познания и исследования, для глубоких сопоставлений, материал, позволяющий более рельефно представить себе духовный мир древнего книжника, которого окружали не только фолианты и кодексы, но также иконы и фрески храмов и сами храмы с их самобытной архитектурой.

Но прежде всего нужно было ввести читателя середины XX в. в мир слова и образов Древней Руси. Первопроходцем здесь стало «Слово о полку Игореве», которое благодаря своему героическому содержанию, безусловной светскости и художественному обаянию как нельзя лучше подходило на роль той форточки, через которую общество в те годы смогло взглянуть на наше средневековье, ощутить аромат старины. Многочисленные издания «Слова» и книги о нем, написанные Лихачевым, методично, как таран, разрушали стену неведения, стену равнодушия, за которой была скрыта литература Древней Руси.

Затем настала пора распахнуть окно. Я помню огромную радость Лихачева после выхода тома «Изборник» в серии Библиотека всемирной литературы. Обратим внимание на замысел и структуру книги. Дмитрий Сергеевич совершенно нарочито пошел на пестроту представленных жанров (а ведь можно было ограничиться, в духе времени, лишь одной военно-героической тематикой): в «Изборнике» мы найдем и жития святых (шаг для того времени смелый и неожиданный!), и памятники переводной литературы (Александрия и Девгениево деяние), и памятники эпистолярного наследия, и повести, и сатиру. «Посмотрите, как разнообразна и интересна эта древняя русская литература!» — словно бы взывал сборник. И Дмитрий Сергеевич не ошибся, голос был услышан: издательство «Художественная литература» предложило выпустить двенадцатитомную серию «Памятники литературы Древней Руси», первый том которой вышел в 1978 г. (Лихачев и другие участники издания были удостоены за нее Государственной премии). Наследником этой серии является выходящая сейчас двадцатитомная «Библиотека литературы Древней Руси». Главная задача, поставленная Д. С. Лихачевым, была выполнена: древнерусская литература стала знакомой и любимой в широких кругах отечественных читателей, стала известна и во всем мире в объемах, ранее невиданных.

И так раздражающий нас всплеск дилетантизма, особенно «у подножья великого памятника» — «Слова о полку Игореве» — признаем — неизбежная издержка наших же побед: благодаря Д. С. Лихачеву памятник XII в. — «Слово» стал в широких кругах таким же авторитетным, любимым и привлекательным, как творчество Пушкина, которого, кстати говоря, также не оставляют в покое дилетанты.

Но если для широкого читателя Д. С. Лихачев прежде всего талантливый популяризатор древнерусской литературы, то для ученых мира — он прежде всего

ее глубокий исследователь. Я не посчитаю гиперболой утверждение, что древнерусская литература такой, какой мы ее себе представляем, была открыта Д. С. Лихачевым, и прежде всего в его книге «Человек в литературе Древней Руси». Лихачев убедительно показал, что древнерусская литература — это не череда возникающих друг за другом в хронологической последовательности памятников, а живой организм, развивающийся по своим законам (они были выявлены и сформулированы также в работах Лихачева); менялись принципы, стилистические тенденции, эволюционировала жанровая система. Лихачев обосновал в книге «Развитие древнерусской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили» (1973) новый взгляд на развитие древнерусской литературы, взгляд, который еще какое-то время будет вызывать настороженность и неприязнь ортодоксов (напомню о недовольстве М. Б. Храпченко статьей «Тысячелетие русской литературы» 1979 г., где мысль о возникновении литературы как следствии христианизации Руси выражена наиболее отчетливо). В то же время выдвинутые Лихачевым в этой книге положения об общеславянской литературе-посреднице, о том, что Русь начала читать чужое раньше, чем читать свое, стали тогда же и являются теперь постулатами нашей медиевистики.

Я уже говорил о стремлении Лихачева охватить литературный процесс панорамным зрением. Реализацией этого принципа явились работы ученого о жанровой системе Древней Руси, впервые прозвучавшие как доклады на Международных съездах славистов в 1968 и 1973 гг. Литература предстала в них не как перечень жанров, а именно как система со своей иерархией, со своими сложными межжанровыми связями и зависимостями. Как естественное продолжение и развитие этих разысканий стал замысел создания «Словаря книжников и книжностей Древней Руси», 6 томов из семи которого уже вышли в свет. Впервые жанровая система древнерусской литературы была представлена в такой исчерпывающей полноте репертуаром наполняющих эту систему памятников.

Проблема, неизменно привлекавшая Лихачева, — художественное своеобразие древнерусской литературы была раскрыта в его книге «Поэтика древнерусской литературы» (1967), которая впоследствии неоднократно переиздавалась. Да, художественными особенностями литературы Древней Руси занимались А. С. Орлов, а позднее — В. П. Адрианова-Перетц и И. П. Еремин, но в упомянутой книге впервые была представлена вся система древнерусской поэтики: поэтика художественного обобщения, поэтика литературных средств, поэтика времени и пространства.

Но теоретические построения всегда таят в себе опасность «отрыва от земли», когда концепция опирается на точечные, а иногда и субъективные наблюдения. Д. С. Лихачев неуклонно следовал принципу, что литературоведение — наука точная, и поэтому обобщениям и выводам должна предшествовать скрупулезная работа над источниками. Книга Д. С. Лихачева «Текстология», вышедшая тремя изданиями, и явилась тем якорем, который привязал корабль теории к грунту текстов. Лихачеву удалось создать текстологическую школу, основным принципом которой стало правило — взлетать к звездам концепций, только пройдя через тернии текстологических разысканий. В последние годы

были предприняты попытки поколебать правомерность основных текстологических постулатов Лихачева, то обвиняя петербургских ученых в «мелочеведении», то, напротив, предлагая новые принципы издания текстов, которые, по существу, отбросили бы нас в середину позапрошлого века. Однако практика — сухой хлеб науки — всякий раз убеждает в верности именно тех текстологических принципов, которые были сформулированы Д. С. Лихачевым в его книгах и статьях.

Дмитрий Сергеевич очень любил свой Отдел, своих соратников и учеников, своих единомышленников. Он требовал от сотрудников тех же качеств, которыми в полной мере обладал сам, — и прежде всего широты знаний: не отдельный памятник, а жанр, или — в хронологическом измерении — эпоха должны были присутствовать, по его убеждению, в научном багаже каждого сотрудника. Об этом нужно не забывать молодому поколению Отдела, которому со временем придется пройти путем их старших коллег, создавая обобщающие, на уровне новых открытий и знаний, обзоры древнерусской литературы.

Я не случайно упомянул о молодом поколении. В последние 10—15 лет в Отдел пришла целая плеяда способных, полных энтузиазма молодых ученых. И Дмитрий Сергеевич чрезвычайно много сделал для омоложения Отдела: он настойчиво добивался принятия в штат института вчерашних аспирантов. Он хотел, чтобы голос молодых ученых был услышан как можно скорее, и именно благодаря международному авторитету Д. С. Лихачева и бескорыстной помощи французского спонсора мадам Лидии Варсано в серии «Новые имена в науке» вышли книги А. Г. Боброва, С. А. Семячко, Т. Р. Руди, Е. В. Крушельницкой.

Отдел был для Лихачева тем плацдармом, на котором реализовывались его научные замыслы, и одновременно он был его любимым домом, его второй семьей. И потому на нас лежит огромный моральный и научный долг: прежде всего продолжать те труды, которые были задуманы Дмитрием Сергеевичем: завершить издание «Словаря книжников и книжности Древней Руси», «Библиотеки литературы Древней Руси», продолжить серию «Книжные центры Древней Руси», не отставать в создании очередных выпусков «Библиографии работ по древнерусской литературе». Мы должны стремиться сохранить тот же высокий уровень «Трудов Отдела древнерусской литературы», который был под постоянной заботой его многолетнего ответственного редактора — Д. С. Лихачева.

Сейчас Отдел приступил к новой большой работе, которую, мы надеемся, всецело одобрил бы и поддержал Дмитрий Сергеевич. Речь идет об изучении древнерусской агиографии. Как ни парадоксально, но этот чрезвычайно важный для духовного развития древнерусского общества жанр, представленный сотнями произведений, дошедших до нас в тысячах списков, все еще плохо изучен. Лишь менее двух десятков житий имеют критические издания, удовлетворяющие современному уровню текстологии.

Поэтому Отдел поставил перед собой задачу — создать свод научных изданий житий, основанных на разработанных Д. С. Лихачевым текстологических

принципах. Первым этапом этой огромной, многолетней работы должно стать составление сводного каталога житий и сопутствующих им нарративных и го- милетических памятников. Сделать это будет непросто, ибо существует много неописанных собраний, немалые трудности представляет работа с теми собраниями, которые хранятся в других городах. Но в то же время без учета если не всех, то по крайней мере подавляющего большинства существующих списков не может быть восстановлена подлинная история текста памятника. Результатом каждого исследования должно стать критическое издание текстов жития, осуществленное по тем принципам, по которым выходили книги секторской серии исследований-изданий, серии, задуманной и находившейся под неослабным вниманием Д. С. Лихачева.

В заключение я хочу подчеркнуть, что мы участвуем сейчас в реализации еще одного замысла академика Лихачева. Наша конференция — «Христианство и древнерусская литература» — была задумана по его инициативе. Ему не суждено было дожить до нее, но хочется надеяться, что те доклады, которые нас ожидают в эти дни, понравились бы Дмитрию Сергеевичу, ибо в них отразилась так дорогая ему идея: литература — это неотъемлемая часть духовной культуры, причем культуры, не ограниченной национальной принадлежностью, а культуры всего европейского средневековья.

От лица организаторов конференции я позволю себе сердечно приветствовать ее участников, ее гостей и выразить надежду, что она пройдет на том высоком уровне, который отвечал бы ее новому названию — Первые Лихачевские чтения.